

А. Ю. Русаков

О культуре интерпретации исторических событий

Статья посвящена актуальной проблематике современных интерпретаций исторических событий в отечественной и зарубежной исторической, культурологической литературе и публицистике. В статье рассмотрены вопросы, связанные с проблемами развития социальных отношений в России конца XIX – начала XX в. и их влиянием на реформы, а также на возможности развития политической культуры в России. Автор высказывает мнение о том, что политическая культура правящего класса царской России начала XX в., как и его состав, не отвечали требованиям времени. В то же время автор полемизирует с некоторыми интерпретациями конкретных событий и фактов отечественной истории, содержащимися в статье профессора А. В. Шевцова «Вызовы правительственной политической культуре пореформенной России», полагая, что причины исторических событий гораздо более масштабны и во многом связаны с глобальными изменениями.

Ключевые слова: культура, политическая культура, исторические события, исторические факты, интерпретация, социальные отношения, внешняя политика

Arkadii Y. Rusakov

On culture of interpretation of historical events

The article is devoted to topical issues of modern interpretations of historical events in domestic and foreign historical, culturological literature and journalism. The article discusses issues related to the problems of the development of social relations in Russia at the end of the 19th – beginning of the 20th century and their influence on the reforms, as well as on the possibilities of developing political culture in Russia. The author expresses the opinion that the political culture of the ruling class of Tsarist Russia at the beginning of the 20th century, like its composition, did not meet the requirements of the time. At the same time, the author argues with some interpretations of specific events and facts of domestic history contained in the article by Professor A. V. Shvetsov «Challenges of the governmental political culture of post-reform Russia», believing that the causes of historical events are much more ambitious and in many respects are associated with global changes.

Keywords: culture, political culture, historical events, historical facts, interpretation, social relations, foreign policy

DOI 10.30725/2619-0303-2018-4-45-48

К столетнему юбилею русской революции 1917 г. вышло немало работ, посвященных анализу причин и следствий этих памятных событий. Большое количество публикаций на данную тему позволило не только более детально и разносторонне обсудить проблемы этого времени, но и исследовать исторические события, связанные с той эпохой. Появилось много любопытных интерпретаций исторических фактов. Интерпретаций интересных, но спорных. В частности, хочу привести в качестве примера статью, с текстом которой автор в силу своих должностных обязанностей ознакомился еще до публикации [1]. Это статья профессора А. В. Шевцова «Вызовы правительственной политической культуре пореформенной России».

Нельзя не согласиться с основными выводами автора этой публикации о том, что социальные отношения старого доиндустриального типа тормозили развитие политической культуры в России конца XIX – начала XX в. Действительно, «императорский абсолютизм и засилье

титованной аристократии» [1, л. 2] создавали огромное количество проблем и в экономической, и социально-политической сферах, не давая возможности для поступательного развития столь необходимых в стране реформ. Справедливым представляется и утверждение профессора А. В. Шевцова, что не только внутренние, но и «внешние вызовы» сыграли очень важную роль в революционных событиях начала XX в. в России.

Сомнения в данной статье вызывают интерпретации исторических событий этого периода, где главная вина за создание острых внешнеполитических конфликтов возлагается в основном на Россию. Можно лишь условно принять точку зрения автора о том, что «Крымскую войну проиграла дипломаты, недооценившие британскую опасность» [1, л. 3]. Министр иностранных дел Российской империи граф К. Нессельроде, бесспорно, оставил в истории отечества довольно мутный шлейф, но в данном случае он действовал по указанию Николая I, т. е. представителя

все того же «императорского абсолютизма», который слишком доверял идее Священного Союза и конкретно Австрии, предательское поведение которой привело к поражению России в Крымской кампании.

Необходимо отметить, что российский император не без оснований доверял австрийскому императору Францу-Иосифу, полагая, что неоценимая помощь российского императорского двора Австрии в 1849–1850-х гг. будет достойно оценена. Тогда Россия, верная своему союзническому долгу, ввела свои войска в Австрию, что позволило ей подавить венгерский мятеж. Через год именно российский император заставил отказаться Пруссию от аннексии Саксонии, Ганновера и Гессена, т. е. тех земель, на которые претендовала Австрия, что подтвердило и упрочило ее репутацию в Германском союзе.

Тем не менее в самый разгар Крымской войны Австрия предъявила своей союзнице России ультиматум, заставила вывести из Дунайских княжеств русские войска и оккупировала княжества, расположив там трехсоттысячную группировку. Прямых военных действий не было, но наличие на границах с Россией столь мощной вооруженной силы отвлекало огромные ресурсы нашей армии, не позволяя им оказать помощь защитникам Севастополя, осажденного франко-английскими оккупантами. В результате Севастополь пал, а Россия потерпела унижительное поражение в этой войне.

Справедливости ради следует признать, что Россия значительно отставала от ведущих европейских стран в процессе индустриализации, что не могло не сказаться на качестве оружия. Блестящие победы российского парусного флота над турецким в начале войны были сведены на нет появлением броненосцев Франции и Англии на Черном море. Отсталость России в промышленном развитии не позволяла строить корабли такого класса. И не только корабли, но и другие виды современного вооружения. Однако потеря преимуществ на море не означала поражения в войне. В Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. победа была достигнута без особого участия флота. Кстати, и здесь не могу согласиться с профессором А. В. Шевцовым, который в своей статье утверждает, что эта война «благодаря отказу от обручевского прыжка вдоль побережья, закончилась берлинским конфузом» [1, л. 3]. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. стала очевидной победой России в военной сфере и на дипломатическом поприще.

Знаменитая фраза А. М. Горчакова, сменившего К. Нессельроде на посту министра иностранных дел Российской империи, очень точно передает все, что в течение последующих пят-

надцати лет происходило потом в хозяйственной, дипломатической и военной сферах. Страна действительно «сосредоточилась».

В России все-таки начались и шли реформы, хотя и очень непросто. Они позволили создать социально-экономическую основу для дальнейшего промышленного развития. Именно в это время в стране появляется сеть железных дорог, которые связывают в единое целое европейскую часть государства. Возникает возможность быстрой переброски войск русской армии с севера на юг и с востока на запад. Это сыграло важную роль в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. До 1851 г. в России дороги строили либо в Европу (Санкт-Петербург–Псков–Варшава–Вена), либо между столицами (Санкт-Петербург–Москва).

Меняется внешнеполитический курс России. Австрия, потерявшая своего последнего союзника в лице России, оказывается в изоляции и терпит поражение в итальянской войне. Санкт-петербургский двор дает отмашку на объединение Германии. С подачи А. М. Горчакова, посланником от Пруссии в Санкт-Петербург едет Отто Бисмарк, который затем станет главным действующим лицом в процессе создания Германской империи и нанесет сокрушительные удары по обидчикам России в Крымской войне: Австрии (1866 г.) и Франции (1870–1871 гг.). Англии будет «сосредоточенно» досаждать сама Россия, продвигаясь все ближе и ближе к главной «жемчужине английской короны» через Среднюю Азию.

Что касается «обручевского прыжка вдоль побережья» [1, л. 3], то этот план очень сильно напоминает авантюры молниеносной войны, которые возможны на территориях «в шаговой доступности» Центральной Европы. Там можно, по Мольтке, просчитать шаги и секунды, чтобы реализовать его принцип «идти врозь – бить вместе», но не в России или Османской империи. Здесь этот принцип может быть реализован с большой долей вероятности, что и было сделано командованием русской армии. Итоги войны с Турцией 1877–1878 гг. окончательно подтвердили способность России адекватно отвечать на внешние вызовы.

Категорически не согласен с интерпретацией роли России в развязывании Русско-японской войны. Даже предварительный анализ возможностей России на очень дальнем от нее Востоке в начале XX в. говорит о ее неспособности «провоцировать» [1, л. 3] мощную и уже индустриально развитую Японию. Задача России – удержать то, что есть, а именно – незамерзающие порты на Тихом океане. Понимание этого было задолго до конфликта с Японией.

Сергей Сергеевич Ольденбург в своем фундаментальном исследовании по истории царствования императора Николая II [2], описывая сложную предвоенную ситуацию, писал о том, что в России к войне готовились, понимая, что Японской империи уже тесно на островах, но надеялись на мирное решение проблем. Да и кто мог позволить себе «провоцировать» Японию, если сам российский император непосредственно перед нападением японцев на Порт-Артур говорил о неготовности дать отпор Японии и необходимости нескольких лет подготовки.

Однако о провоцировании говорить можно и нужно, но не о российском и даже не столько о японском или английском, хотя в 1902 г. между Англией и Японией был заключен договор, предполагавший военную помощь. За спиной Японии уже маячила тень грядущего мирового гегемона – США, которые уже прибрали к рукам Форт-Росс с прилегающими территориями в Северной Калифорнии, Аляску, Гавайские острова и в будущем рассматривали Тихоокеанский регион как зону исключительно своих интересов.

В отличие от тогдашней «ладычицы морей», соглашений у США с Японией не было, но американский президент Теодор Рузвельт весьма недвусмысленно предупреждал тех, кто мог выступить против Японии, что он «немедленно станет на ее (Японии. – А. Р.) сторону и пойдет так далеко, как это потребует» [2, с. 233].

К этому времени у Соединенных Штатов уже был богатый опыт решения своих геополитических вопросов чужими руками. В свое время Наполеон своими действиями позволил США сделать всю Центральную и Южную Америку зоной исключительно своих интересов. Знаменитая доктрина Монро не могла бы быть реализована, а на флаге США и по сей день красовались бы не более трех десятков звезд, если бы Наполеон не вторгся в Испанию и Португалию. Пиренейские войны образовали вакуум власти в эти огромные колониальные империях. Социальные и экономические потрясения в метрополиях создали условия отделения Бразилии от Португалии и борьбу за независимость испанских колоний в Америке. В результате ряд территорий, принадлежавших испанской короне, стали штатами США (Техас, Калифорния, Нью-Мексико и др.), а остальные, благодаря красивому тезису пятого президента США Джеймса Монро о континентальной солидарности, стали легкой добычей для североамериканских корпораций. Вопрос о силе влияния США на политику Наполеона остается открытым, но известно, что именно Джеймс Монро был послом США во Франции в годы феерического взлета военной

и политической карьеры будущего императора Франции.

В случае конфликта России и Японии расчет англоговорящих великих держав полностью соответствовал заветам Н. Макиавелли. Совет о том, что в союзники надо брать не сильного, а слабого, того, с кем потом можно особо не церемониться, используют до сих пор. Можно вспомнить высказывание конгрессмена и будущего президента США Г. Трумена от 24 июня 1941 г., через два дня после нападения нацистской Германии на Советский Союз: «Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если выигрывает будет Россия, то нам следует помогать Германии, и, таким образом, пусть они убивают как можно больше, хотя мне не хочется ни при каких обстоятельствах видеть Гитлера в победителях» [3].

Япония для США послужила инструментом для вытеснения из тихоокеанского региона более опасного конкурента в лице России, чем Страна восходящего солнца. Солнце Японии померкнет потом, в августе 1945 г., когда погибнут десятки тысяч мирных жителей Хиросимы и Нагасаки, а за сорок лет до этого, в том же месяце 1905 г., в американском городе Портсмут под присмотром президента США Теодора Рузвельта будет подписан мирный договор, согласно которому российские войска оставят Порт-Артур, Корею и Маньчжурию. Через пять лет эти территории начнет оккупировать Япония без какого-либо «провоцирования», и результатом этого захвата будет уничтожение более 20 миллионов китайцев и корейцев. Это исторический факт.

Можно привести еще немало фактов. Их много и в новой, и в новейшей истории, но далеко не всегда эти факты учитываются при интерпретации исторических событий. Иногда это происходит случайно, а порой и намеренно.

Я соглашусь с сентенцией автора рассматриваемой статьи о том, что нужно знать свою историю и делать правильные выводы, но для этого необходимо дать объективную оценку событиям нашей отечественной истории. Сегодня это особенно сложно сделать вследствие целенаправленного внешнего информационного потока, искажающего и деформирующего историческую память.

Однако и в западных странах достаточно много объективных ответственных исследований российской истории. Сегодня их голос почти не слышен на фоне шквала обвинений России и русских чуть ли не в патологической агрессивности со стороны западных масс-медиа. Вот что писал американский историк и политолог, автор теории трансформационного лидерства Джеймс Макгрегор Бернс:

«Сталин знал, что русские солдаты будут плохо воевать в случае нападения на другую страну, но упорно защищать родину в случае нападения врага на их собственную территорию» [4, с. 96]. Он же писал по поводу обвинений нашей страны в подписании пакта Молотова-Риббентропа: «Как стратег Сталин искал способ сочетать идеологию и „реальную политику“ в интересах большевизма и отечества. Его армии должны стоять в стороне от долгожданной смертельной схватки фашистов и буржуазных государств. Вместе с тем они призваны предотвратить враждебное окружение матушки-России и войну на два фронта. В 1930-х гг. он предпринимал через министра иностранных дел Максима Литвинова осторожные, спорадические попытки объединиться с западными государствами в борьбе за коллективную безопасность. Западные лидеры, разобщенные и нерешительные, боялись как фашизма, так и большевизма и слишком долго колебались... Мюнхенское соглашение стало не только капитуляцией перед Гитлером, но и катализатором страха и взаимных подозрений между Москвой и Западом. В течение года Сталин заменил Литвинова суровым Молотовым, подписал пакт о ненападении с Гитлером...» [4, с. 95–96].

Столь объективный и взвешенный подход к историческим событиям автора, которого по его убеждениям никак нельзя заподозрить в симпатиях к Сталину и большевизму, говорит о высоком уровне культуры исследователя. И таких примеров немало.

История страны – главное культурное наследие народа, тяжелое бремя которого нет необходимости облегчать или упрощать, тем более приукрашивать. Политическая культура правящего класса царской России начала

XX в., как и его состав, конечно же, не отвечали требованиям времени. Однако причины того, что произошло в России в 1917 г. гораздо более масштабны и связаны не только с внутренними проблемами страны, но и с глобальными изменениями, которые происходили за ее пределами. Историческая правда требует всесторонних и ответственных исследований этих трагических событий.

Список литературы

1. Шевцов А. В. Вызовы правительственной политической культуре пореформенной России. 9 л. Рукоп. // Вестн. С.-Петерб. гос. ин-та культуры. Арх. журн. URL: <http://vestnik.spbgik.ru> (дата обращения: 26. 11. 2018).
2. Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II / предисл. Ю. К. Мейера. Санкт-Петербург: Петрополь, 1991. 672 с.
3. Whitman A. Harry S. Truman: decisive president // *The New York Times*. 1941. June 24.
4. Бернс Дж. М. Франклин Рузвельт: человек и политик / пер. с англ. Л. А. Игоревского. Москва: Центрполиграф, 2004. 623 с.

References

1. Shevtsov A. V. Challenges to government's political culture of post-reform Russia. 9. Manuscript. *Vestn. of Saint Petersburg State Univ. of Culture*. Journal archive. URL: <http://vestnik.spbgik.ru> (accessed: Nov. 26. 2018) (in Russ.).
2. Ol'denburg S. S.; Meier Yu. K. (introd.) *Reign of Emperor Nicholas II*. Saint Petersburg: Petropol', 1991. 672 (in Russ.).
3. Whitman A. Harry S. Truman: decisive president. *The New York Times*. 1941. June 24.
4. Burns J. M.; Igorevskii L. A. (transl.) *Roosevelt. The souldier of freedom*. Moscow: Tsentrpoligraf, 2004. 623 (in Russ.).